

Ташансу Тюркер¹

ДЕЛО О МОДЕРНИЗАЦИИ, ПОСТ-, ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИЗАЦИИ И НОВОМ МОДЕРНИЗМЕ

В течение последних трех лет Лихачевские чтения стали для меня местом размышлений и сравнений За-

¹ Директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция). Сфера научных интересов: история Османской и Российской империй, современная иностранная политика России и Турции. Автор научных публикаций по истории Османской и Российской империй и вопросам современной международной политики, в т. ч.: «Проблемы кризиса современности, поиска идентичности и демократии в западном мире», «История нации: влияние Запада на Российскую и Турецкую империи» и др.

пада, России и Турции. Обычно я провожу это сравнение с исторической точки зрения, уделяя особое внимание XIX веку. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что проекты модернизации России и Турции отлично подходят для сравнения их между собой. Находясь на границах западной цивилизации, наши две страны вошли в эру модернизации три века назад. Модернизация оказала влияние на наше самосознание, а ее ход во многом определялся геостратегиями, которые мы применяли с оглядкой на Запад.

Истории модернизации России и Турции очень схожи, но все же различаются, что позволяет провести глубинное сравнительное исследование. Сама идея модернизации, ее реализация и реальная политика, основанная на геостратегии, нацеленной прежде всего на Запад, заставляют нас при этом сравнении держать в поле зрения данный регион. Вышеупомянутые уровни представляют собой отличную почву для анализа и создания определенных парадигм социальных наук в этом регионе мира. И, разумеется, особенное внимание следует уделить XIX веку, не только потому, что мы постоянно сравниваем XIX век и наше время, но и потому, что уроки XIX века до сих пор являются для нас наглядной иллюстрацией того, что мы можем делать сегодня.

В прошлом году на пленарном заседании именно по этой причине я предложил переосмыслить восприятие XIX века и внимательно изучить то время. Именно поэтому в своем докладе я остановился на «текущей современности» — термине, который придумали Бауман и Бордони для описания текущего кризиса. Этот термин адекватно описывает статус-кво всего XIX и XXI века, когда мы снова ищем новый баланс, находясь, по словам Умберто Эко, «на переходе к новому, пока еще неурегулированному порядку».

В своей книге «Кризисное состояние» Бауман и Бордони утверждают, что в настоящее время в мире наблюдается двухсторонний кризис: с одной стороны, мы видим *бессилие государств*, с другой — наблюдаем *радикальные изменения в общественных структурах*. В результате текущий кризис может быть назван политическим и общественным. Самым важным политическим результатом, который я хочу подчеркнуть, является потеря идентичности, или коллективного сознательного, которое было создано национальными государствами с целью обеспечения постоянного развития. От этого зависит вся международная система.

Идентичность, или коллективное сознательное, имеет две стороны: первая описывает частные стороны определенной нации (язык, религию, историю) и служит связующим звеном внутри границ государства, вторая — универсальные ценности (безопасность, справедливость, демократию, права человека и т. п.) и обеспечивает постоянство системы ценностей, в том числе и на международном уровне. За исключением проводившихся здесь дебатов об универсализме и партикуляризме, думаю, стоит признать, что национальные государства зависят от универсальных ценностей, которые и создают международную систему, а это означает, что разрушение этих универсальных ценностей тоже является важным фактором. Между тем политические результаты позволяют сделать вывод о слабости государства перед лицом политических требований масс — в тех странах, где все еще продолжается поиск легитимной и эффективной системы управления. В этом контексте социальные результаты оказываются связаны с политическими.

Можно утверждать, что требования масс также изменились. Сейчас часто можно слышать, что массы не знают чего хотят, зато очень хорошо знают, чего не хотят. Поэтому управлять этими социальными по-

требностями через народное представительство, парламент или политические партии, даже гражданское общество, становится все сложнее. С другой стороны, социальные результаты показывают, что массы жаждут потребления. По мнению авторов, *потребительское общество* стало новым фактом всех социальных и политических сфер, заменив собой граждан, в связи с чем потребление выступает текущей *целью*. Кризис современности и наблюдающаяся в настоящее время переменчивость, о которых говорится выше, указывают на кризис *суверенитета* и *демократии* в современном мире.

Постмодернизм основан на прогнозе, что наднациональные организации и микронационализм заменят национальные государства и даже нации, что новая демократия будет совершенствоваться через социальные медиа, гражданское общество и т. п. Количество синих воротничков уменьшится, а белых воротничков станет больше, и зависимость экономики от технологий и инноваций также возрастет. Взглянув на программу Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2016 года, можно понять, какое будущее вызывает опасения. В программу среди прочих включены следующие темы: общая позиция по отношению к экстремизму, новая платформа цифровой экономики, социальный контракт на трансформацию мира, мир без работы, путешествия по всему миру без топлива и страха, культура и четвертая промышленная революция, от миграции к интеграции, этика и корпоративное управление, обучение искусственного интеллекта эмоциональному интеллекту, фрагментация Интернета, люди и машины, обучение мастеров четвертой промышленной революции, образование для миллиона детей беженцев.

Развитие мировой политической системы, особенно на местном уровне в странах Запада, показывает, что постмодернистское завтра относительно тревожно. Все началось с брексита, за ним последовало избрание Трампа президентом США, потом всплеск крайне правого популизма в Нидерландах, Франции и Италии. Все эти события шокировали тех, кто совсем не так представлял себе постмодернизм. Практически во всех странах Запада наблюдается рост левого популизма, направленного против тех, кто ослабил позиции политического центра. Первое выступление Шона Спайсера, пресс-секретаря Белого дома, стало важной вехой в американской политике. В его речи прозвучали классические, конвенциональные и современные тезисы. Автомобильный сектор, продвижение карьеры, промышленная занятость, вопросы налогов, американские ценности, американский образ жизни — вот старые темы, которые снова возникли в современной Америке. Их озвучили в рамках своих сегодняшних требований избиратели Трампа. Брексит стал выражением примерно таких же настроений и требований британцев. На тот же путь модернизма, как ожидается, встанут в этом году Франция, Нидерланды и Италия. Что мы видим сегодня в возрождении модернизма? Следует ли называть его постпостмодернизмом или началась эра неомодернизма? Или мы наблюдаем тактический отход от постмо-

дернистских идеалов Гринвич-Виллидж в Манхэттене, Блумсбери в Лондоне, всей территории Берлина, Болотной площади в Москве или площади Таксим в Стамбуле?

На мой взгляд, ответ на этот вопрос очень важен, и меня удовлетворит только тот факт, что интеллектуалы, как правило, более дальновидны, чем сам прогресс человечества. Тем не менее следует помнить, что нельзя верить ни утопичным ожиданиям, ни обоснованным опасениям. Ход истории иногда разочаровывает интеллигенцию, однако нельзя сказать, что она всегда полностью права. Важно понимать, что интеллектуалы могут ошибаться и что в мире наступил краткий период модернизма, который можно назвать пост-постмодернизмом или неомодернизмом. За этим периодом последует возврат к традиционному укладу: синим воротничкам, социальной политике, промышленному обществу, национализму, национальным государствам, национальным интересам на основе международной системы и т. д. Сейчас стоит задаться вопросом: имеют ли Турция и Россия преимущества в данной ситуации в связи с тем, что за последние 15 лет их не коснулись эти постмодернистские веяния?

Следует отметить, что модернистский вызов XXI века пришел из России вместе с концепцией «суверенной демократии», сигнализовавшей о наступлении пост-постмодернизма или неомодернизма. Любой историк, который пишет или говорит о России XXI века, обращает внимание на непрерывность процесса модернизации страны на протяжении трех столетий. За это время выдвигались разные аргументы в пользу непрерывной модернизации: суверенитет, демократия, инфраструктурные инвестиции, попытки централизации и т. д. В этом веке Россия ориентируется на лозунг «хорошо классическое». Этот лозунг стал для России основой движения к современности в постоянном процессе модернизации. Турция встала на этот путь позже, и он был не таким гладким, как у России, но направление у нас общее. За последние пять лет основными интересами Турции стали идея национального государства, внешняя политика на основе национальных интересов и инвестиции в инфраструктуру. Поставленный выше вопрос чрезвычайно своевременен, и на него должны ответить обе страны, так как это необходимо для новой складывающей-

ся конъюнктуры. Некоторую надежду на будущее дает изучение исторического опыта.

Отношения Турции и России с Западом складывались противоположным образом, за исключением двух исторических периодов: последней четверти XIX века и первого десятилетия XXI века. Противоположные позиции двух стран были вызваны геостратегическим выбором обеих держав, определившим отношение к западному влиянию. Схожие позиции были обусловлены консервативной идеологией и вопросами обороны. В XIX веке Османская империя стремилась догнать Запад, несмотря на то что националистические настроения угрожали уничтожить государство. В это же время Россия стремилась остановить рост влияния Запада на развитие страны. Крымская война стала отражением этих противоречий: ориентированная на Запад верхушка Османской империи против скептически настроенной по отношению к Западу России. Весь XIX век Россия защищала свой древний жизненный уклад, а Османская империя находилась в процессе интенсивной модернизации, хотя этот процесс мог стоить империи ее целостности. В то время как Турция стала частью западной системы, Россия продолжила искать альтернативную модель, заплатив за эти поиски отставанием в развитии. Абдулхамид II и Александр III установили в конце XIX века совсем другие отношения. Этот период сейчас очень популярен в Турции, его постоянно сравнивают с современным политическим моментом.

В качестве заключения хочу задать некоторые вопросы и дать ссылки на ответы. Умерли ли уже идеалы и политика постмодернизма? Читайте «Европа мертва» у Александра Герцена. Пост-постмодернизм или неомодернизм — это одно и то же в модернизированных России и Турции или нет? Читайте конституцию Османской империи 1876 года и российскую Конституцию 1905 года. Может ли геостратегия разрушить внутреннюю политику? По поводу двух случаев структурной модернизации: смогут ли обе страны снова занять выгодное положение в нео-постмодернистском мире? С учетом того, что идеалы Французской революции устояли после событий 1815, 1830, 1848 и 1871 годов. Они несколько изменились, но в основных чертах остались прежними.